

О. А. Симончук

**ББК 81.411.2-51+83.3(2=411.2)52-8(Ф. М. Достоевский)
УДК 811.161.1'42'371'367.4:821.161.1-31*Ф. М. Достоевский**

DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_46

О. А. Симончук¹

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины
246019 Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104
olsim78@mail.ru*

ФУНКЦИИ ВВОДНОГО СОЧЕТАНИЯ ЛУЧШЕ СКАЗАТЬ В ИДИОСТИЛЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Объектом исследования настоящей статьи являются предложения бинарной структуры с вводным сочетанием *лучше сказать* в произведениях Ф. М. Достоевского. Предметом исследования являются семантические отношения между компонентами бинарной структуры. Цель исследования состоит в том, чтобы определить семантические отношения между компонентами бинарной структуры и на основе анализа этих отношений выяснить намерения писателя при употреблении синтаксических структур, оформленных вводным сочетанием *лучше сказать*.

В результате исследования устанавливается, что основным намерением автора при использовании бинарной структуры предложений с вводным сочетанием *лучше сказать* является создание двойственности в изображении персонажей и событий, при передаче мнений, оценок, переживаний, а также разговорности. В статье посредством анализа семантических отношений между компонентами бинарной структуры определяются пути реализации вышеуказанного намерения писателя: уточнение характера действия, проявления качества и т. п. с дополнительной фиксацией внимания читателя на предмете изображения и показ или интерпретация какого-либо действия, свойства, состояния в более широком контексте, ином ракурсе, в том числе, с использованием Ф. М. Достоевским игры на контрасте.

Между компонентами бинарной структуры с вводным сочетанием *лучше сказать* наблюдаются различные типы семантических отношений – прежде всего, синонимия и антонимия.

¹ Симончук Ольга Анатольевна, аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь.

Было также установлено, что в исследуемых синтаксических конструкциях с компонентами, не связанными между собой синонимичными отношениями, центробежная сила корректировок сказанного придает расплывчатость характеристике действий, проявлению качеств и т. п., а иногда и вскрывает нечто парадоксальное в интерпретируемой действительности.

Наблюдения, представленные в статье, могут быть использованы при изучении особенностей языка и стиля Ф. М. Достоевского в школе и вузе.

Ключевые слова: двойственность, бинарные структуры, вводное сочетание, уточнение, семантические отношения, коннотация, синонимия, игра на контрасте

Введение

Одна из особенностей художественного мышления Ф. М. Достоевского – это двойственность. Она наблюдается в изображении автором персонажей и событий, при передаче мнений, оценок, переживаний. Двойственность реализуется в произведениях Ф. М. Достоевского разными способами, например, за счет создания бинарной структуры предложения. Одним из языковых средств, к которым Ф. М. Достоевский прибегает для создания бинарной структуры, является вводное сочетание *лучше сказать*.

Количество употреблений данной вводной единицы в произведениях Ф. М. Достоевского, представленных в Национальном корпусе русского языка, 129 в 27 текстах [9]. Цель нашего исследования – определить семантические отношения между компонентами бинарной структуры с вводным сочетанием *лучше сказать* и на основе анализа этих отношений выяснить намерения писателя при употреблении таких синтаксических структур. Теоретической базой исследования стали работы Н. Д. Арутюновой [1], М. М. Бахтина [2], Ю. Н. Караулова [5], Д. С. Лихачева [6; 7], И. В. Ружицкого [11] о стиле и языке Достоевского, С. М. Соловьева [14] об изобразительных методах в творчестве писателя, Е. А. Иванчиковой [4] о синтаксисе художественной прозы Достоевского. При определении семантических отношений нами были использованы «Словарь русского языка» [10], «Толковый словарь русских глаголов» [15], «Русский семантический словарь» [12], «Словарь антонимов русского языка» [8], «Словарь языка Достоевского» [13].

При использовании вводного сочетания *лучше сказать* задачей писателя является уточнение. Д. С. Лихачев отмечает огромную роль

О. А. Симончук

в произведениях Ф. М. Достоевского уточнений, посредством которых автор реализует свое стремление к «постоянному приближению к действительности» [6, 181]. С одной стороны, посредством подчеркнутой авторизации, заключающейся в указании на выбор лучшего слова для обозначения изображаемого, создается иллюзия разговорности, а именно, эффект непосредственности, «сиюминутности» размышлений и воспоминаний рассказчика, когда к уже сказанному на ходу добавляется что-то новое, как бы только что пришедшее на ум [4, 74]. Искуснейший диалог писателя ведется «без видимого расчета на читателя, как “точная” запись сказанного говорящими, не подозревающими, что их слова будут “подслушаны” третьим» [6, 181]. С другой стороны, многие исследователи отмечают также склонность писателя в содержательном плане не высказываться до конца, в его повествовании угадывается нежелание связывать себя ограничивающими убеждениями, мешающими посмотреть на ситуацию с другой стороны, а также четкими определениями. Для реализации такой позиции Достоевский использует разные языковые средства, в том числе и рассматриваемую нами синтаксическую структуру.

Основная часть

1. Уточнение характера действия, проявления качества и т. п. с дополнительной фиксацией внимания читателя на предмете изображения

Как показал семантический анализ контекстуальных употреблений вводного сочетания *лучше сказать*, намерение автора может заключаться в уточнении характера действия, проявления качества и т. п., что позволяет дополнительно фиксировать внимание читателя на предмете изображения. При этом виде уточнения компоненты бинарной структуры находятся в синонимичных отношениях. Рассмотрим варианты семантических отношений между словами при реализации вышеуказанного намерения автора.

При уточнении характера действий автор, как правило, обращается к семантико-стилистическим синонимам; во-первых, может заменять нейтральные глаголы стилистически маркированными, например, при уточнении характера движения: *В комнату вошла*, или, *лучше сказать, как-то протеснилась* (хотя двери были очень широкие), *фигурка, которая еще в дверях сгибалась, кланялась и скалила зубы, с чрезвычайным любопытством оглядывая всех присутствующих* [Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели] [9]. При характеристике речевой деятельности отмечается

переход от нейтральных глаголов к глаголам со сниженной оценочной коннотацией, которые служат для характеристики артикуляционных особенностей говорения или выражают дополнительно эмоциональное состояние характеризуемого героя: *И судя по тому, что князь краснеет от невинной шутки, как невинная молодая девица, я заключаю, что он, как благородный юноша, питает в своем сердце самые похвальные намерения, – вдруг и совершенно неожиданно проговорил или, лучше сказать, прошамкал беззубый и совершенно до сих пор молчаливый семидесятилетний старичок-учитель, от которого никто не мог ожидать, что он хоть заговорит-то в этот вечер* (Ф. М. Достоевский. Идиот); *Гейн! – крикнул, или лучше сказать, крякнул барон, оборачиваясь ко мне с сердитым удивлением. Я обернулся и остановился в почтительном ожидании, продолжая на него смотреть и улыбаться. Он, видимо, недоумевал и подтянул брови до *pes plus ultra** (Ф. М. Достоевский. Игрок) [9].

Тот же вектор уточнений наблюдаются при замене нейтрального глагола *ответишь* глаголом со сниженной стилистической коннотацией *износиться* для описания физического состояния героя повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон». Это уточнение обусловлено стремлением найти более точную характеристику состояния князя с учетом того, что последний прожил бурную и далеко не безгрешную жизнь. Глагол *износиться* хотя и является синонимичным глаголу *ответишь*, но в его употреблении заложено едва уловимое стремление автора подчеркнуть саморазрушительную деятельность героя, которая привела его в конце концов к жалкому состоянию.

Во-вторых, применяется переход от глагола, коннотированного принадлежностью к разговорному стилю, к синонимичному глаголу с нейтральной функционально-стилистической коннотацией, например, *Фердыщенко быстро подставил ему сзади стул, и генерал, несколько слабый в эту послеобеденную минуту на ногах, так и шлепнулся или, лучше сказать, упал на стул, но это, впрочем, его не сконфузило* (Ф. М. Достоевский. Идиот) [9]. Отказ от стилистически маркированного глагола со сниженной оценочной коннотацией *шлепнуться* и замена его на *упасть* обусловлен образом героя романа «Идиот» Ардалиона Александровича Иволгина: *... был высокого роста, лет пятидесяти пяти, или даже поболее, довольно тучный, с багрово красным, мясистым и обрюзглым лицом, обрамленным густыми седыми бакенбардами, в усах, с большими, довольно выпученными глазами* [3,103].

О. А. Симончук

В одном из контекстов используется замена нейтрального глагола *показывать* на глагольно-именное сочетание *выдвигать на вид*. Это сочетание является, по-видимому, окказиональным, образованным по аналогии с имеющимся в литературном языке описательно-глагольно-именным оборотом *ставить на вид*, которое характерно в большей мере для книжной деловой речи. Использование окказионального сочетания *выдвигать на вид* является примером языковой игры с целью нюансировки смыслов, связанных с желанием писателя повысить статус героя: *Кулачный господин при слове «бокс» только презрительно и обидчиво улыбался, и с своей стороны, не удостоивая соперника явного прения, показывал иногда, молча, как бы невзначай, или лучше сказать, выдвигал иногда на вид одну совершенно национальную вещь – огромный кулак, жилистый, узловатый, обросший каким-то рыжим пухом, и всем становилось ясно, что если эта глубоко-национальная вещь опустится без промаху на предмет, то действительно мокренько станет* (Ф. М. Достоевский. Идиот) [9].

В бинарных структурах с именами существительными в качестве компонентов наблюдаются те же приемы уточнения, что и в структурах с глаголами, то есть используются либо семантико-стилистические, либо семантические синонимы. Слово с нейтральной стилистической коннотацией может заменяться на синонимичное слово со сниженной разговорной коннотацией: *Вот в таких рассказах, или, лучше сказать, в такой болтовне, проходило иногда наше скучное время* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома) [9]; стилистически маркированное слово – на синонимичное нейтральное: *То ли дело, если бы взяли какую-нибудь коротенькую, но занимательную средневековую придворную историйку, из испанской истории, или, лучше сказать, один анекдот, и наполнили бы его еще анекдотами и острыми словечками от себя* (Ф. М. Достоевский. Бесы) [9]. В качестве компонентов бинарной структуры могут использоваться близкие, но отнюдь не тождественные по значению имена существительные с нейтральной стилистической коннотацией: *Была у него одна только страсть или, лучше сказать, одно горячее желанье: это – иметь свой собственный дом, а именно дом, выстроенный на барскую, а не капитальную ногу* (Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот) [9].

Особый способ уточнения в бинарных структурах с именами существительными – это «наращение» смысла, а именно изменение объема обозначаемого в левой и правой частях структуры: *С тех пор я имею в ней друга, и, повторяю, если кто был когда-либо*

благодетельствован женщиной, или, лучше сказать, русской женщиной, то уж это, конечно, я, и я этого никогда не забуду (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя); *Ожидаемых вопросов, или, лучше сказать, одного главного вопроса, которого ждала Ганя, быть не могло* (Ф. М. Достоевский. Идиот); *Тут было чувство или, лучше сказать, целый хаос чувств, среди которых я, естественно, должен был заблудиться* (Ф. М. Достоевский. Подросток) [9].

2. Показ / интерпретация какого-либо действия, свойства, состояния в более широком контексте, ином ракурсе

Путем реализации намерений автора, заключающихся в создании разговорности и двойственности, может быть показ / интерпретация какого-либо действия, свойства, состояния в более широком контексте, ином ракурсе. При подобного рода уточнениях компоненты бинарной структуры не состоят в синонимичных отношениях. В одних случаях замена одного слова на другое не оказывает значимого влияния на изменение сути изображаемого и служит, например, для уточнения местоположения или времени: *В углу, в задней стене или лучше сказать, в перегородке была запертая дверь: там далее, за перегородкой, должны были, стало быть, находиться еще какие-то комнаты* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание); *В первый год, или, лучше сказать, в первые же месяцы моей острожной жизни, весной, я ходил с одной партией на работу за две версты, в кирпичный завод, с печниками, подносчиком* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома) [9].

В других случаях подобная замена может вносить в текст новый смысл. Например, при уточнении автором глаголов интеллектуальной деятельности прослеживается следующая закономерность: происходит замена глаголов лексико-семантической группы понимания глаголами восприятия, воображения, предположения, сравнения и сопоставления, т. е. переход от конкретного, осознанного к более чувственному, неопределенному (*знать – предчувствовать, сознать – почувствовать, признавать – подозревать, принять – взглянуть*): *К тому же ему как-то бессознательно хотелось втеснить как-нибудь и себя в эту для него чуждую жизнь, которую он доселе знал, или, лучше сказать, только верно предчувствовал инстинктом художника* (Ф. М. Достоевский. Хозяйка) [9]. По нашему мнению, такого рода замены являются одним из способов Ф. М. Достоевского выразить свое «предпочтение эмоционального отношения к действительности

О. А. Симончук

перед интеллектуальным», о котором упоминает в своем исследовании Д. С. Лихачев [6, 182].

Замена может осуществляться для сообщения каких-либо дополнительных сведений: *Да ведь несчастному князю Николаю Ивановичу почти и некуда спастись теперь от всей этой интриги или, лучше сказать, от родной дочери, кроме как на вашу квартиру, то есть на квартиру друга ...* (Ф. М. Достоевский. Подросток) [9]. При сообщении дополнительных сведений может, например, поменяться субъект действия: *Учителю истории платились деньги тоже чрезвычайно исправно; но, по уходе его, мы с Александрой Михайловной историю учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубокой ночи, или, лучше сказать, читала Александра Михайловна, потому что она же и держала цензуру* (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова) [9].

3. Игра на контрасте

При интерпретации какого-либо действия, свойства, состояния в ином ракурсе автор может прибегать к созданию контраста между употребляемыми в качестве компонентов бинарной структуры словами, что, скорее всего, продиктовано его желанием заставить читателя сильнее погрузиться в происходящую ситуацию: *Арестанты, которые стояли без фуражек, кажется, еще с того самого времени, как послали за майором, теперь все выпрямились, подправились; каждый из них переступил с ноги на ногу, а затем все так и замерли на месте, ожидая первого слова или, лучше сказать, первого крика высшего начальства. Он немедленно последовал; со второго слова майора заорал во все горло, даже с каким-то визгом на этот раз: очень уже он был разбешен. Из окон нам видно, как он бежал по фрунту, бросался, допрашивал* (Ф. М. Достоевский. Записки из Мертвого дома) [9]. При создании контраста компоненты с нейтральной эмоционально-экспрессивной окраской могут заменяться на компоненты с пейоративной эмоционально-экспрессивной окраской: *свидание – семейная сходка* (из романа «Братья Карамазовы»), *хор – шайка для поддержки, семейные катастрофы – дразги* (из романа «Идиот») [9].

В бинарной структуре с компонентами, выраженными именами прилагательными или причастиями, которые не связаны синонимичными отношениями, центробежная сила корректировок сказанного придает расплывчатость характеристике.: *Афанасий Иванович никогда не скрывал, что он был несколько трусават или, лучше сказать, в высшей степени консервативен* (Ф. М. Достоевский. Идиот). В этом проявляется одна из особенностей стиля

Ф. М. Достоевского при описании как внешности, так и характера героя – динамичность. «...Он как бы боится всякой стабильной черты в своем герое и как только сообщает о нем определенное, так сейчас же, тут же, иногда в той же фразе стремится смягчить впечатление от определенности характеристики сообщением о нем прямо противоположного, противоречащего только что высказанному», – отмечает Д. С. Лихачев [7, 76]. Такая диалогичность изображения проявляется не только в описании внешности и характера героя, но и отношения к происходящему: *И еще раз теперь я задал себе вопрос: люблю ли я ее? И еще раз не сумел на него ответить, то есть, лучше сказать, я опять, в сотый раз, ответил себе, что я ее ненавижу* (Ф. М. Достоевский. Игрок) [9].

При использовании игры на контрасте для корректировки сказанного нередко вскрывается нечто парадоксальное в интерпретируемой действительности и ярче проявляется ирония писателя: <...> *я именно звал вас, чтобы пригласить в товарищи на поход к Настасье Филипповне или, лучше сказать, на поход на Настасью Филипповну* (Ф. М. Достоевский. Идиот); *Какова утонченность или лучше сказать, какова в то же время волеья грубость их эгоизма, которого они все-таки никак не могут заметить в себе* (Ф. М. Достоевский. Игрок) [9]. Для создания иронического эффекта Ф. М. Достоевский прибегает, например, к такому элементу языковой игры как повтор однокоренных слов, находящихся в антонимических отношениях: *Но вместе со всеми этими прекрасными качествами и добродетелями, пусть будет он одарен или, лучше сказать, обездарен от природы отсутствием всякого понимания поэзии* (Ф. М. Достоевский. Стихотворения А. Н. Плещеева) [9]. Следует отметить, что подобные каламбуры писателя не всегда рассчитаны на комический эффект, часто они используются автором и для передачи глубоких суждений о человеке или об окружающей действительности: *Я говорю от лица общества, государства, отечества. Вы отцы, они ваши дети, вы современная Россия, они будущая: что же будет с Россией, если русские отцы будут уклоняться от своего гражданского долга и станут искать удинения или, лучше сказать, отъединения, ленивого и циничного, от общества, народа и самых первейших к ним обязанностей* (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й) [9].

Заключение

Таким образом, бинарная структура предложений, оформленная вводным сочетанием *лучше сказать*, в творчестве Ф. М. Достоевского используется с целью уточнения, служащего дополнительным приемом фиксации внимания на предмете изображения. Писатель пользуется уточнениями для создания эффекта сиюминутности

О. А. Симончук

происходящего и двойственного изображения действительности. Уточнению могут подвергаться характер действия, характер проявления того или иного качества, настроение героев и т. п. Слова, представляющие компоненты бинарной структуры, при реализации такого намерения находятся, как правило, в синонимичных отношениях, но отличаются оттенками в значениях, функционально-стилистическими и эмоционально-экспрессивными коннотациями. Ещё одним путем реализации намерений автора, заключающихся в создании двойственности и разговорности, становится показ/интерпретация какого-либо действия, свойства, состояния в более широком контексте, ином ракурсе. При подобного рода уточнениях компоненты не состоят в синонимичных отношениях. При этом замена одного слова на другое может оказывать значительное влияние на изменение сути изображаемого. Обращается Ф. М. Достоевский и к корректировкам сказанного посредством игры на контрасте. При этом между компонентами бинарной структуры наблюдаются антонимичные отношения. Такой вид языковой игры используется Ф. М. Достоевским не только для создания комического эффекта, но и при серьезных размышлениях о человеке и окружающей его действительности.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: Школа «Язык русской культуры», 1999. 896 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. 505 с.
3. Достоевский Ф. М. Идиот: роман. 2-е изд., стереотип. Москва: Дрофа, 2003. 688 с.
4. Иванчикова Е. А. Синтаксис художественной прозы Достоевского Москва: Наука, 1979. 287 с.
5. Караулов Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык как творчество: Сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. Москва: ИРЯ РАН, 1996. С. 237-249.
6. Лихачев Д. С. В поисках выражения реального: О Ф. М. Достоевском // Вопросы литературы. Москва, 1971. № 11. С. 177–183.
7. Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1981. 214 с.
8. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка: Более 2 000 антоним. пар / Под ред. Л. А. Новикова. 3-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз., 1985. 384 с.

9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 10.02.2020).
10. Ожегов С. И. Словарь русского языка. / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. Москва: Рус. яз., 1987. 750 с.
11. Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: Лексикографическое представление: дис. доктора филол. наук: 10.02.19 – Теория языка. Москва, 2015. 647 с.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4. / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: РАН Ин-т рус. яз., 2007. 952 с.
13. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Главный редактор чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. Москва: Азбуковник, 2001. 442 с.
14. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. Москва: Сов. писатель, 1979. 352 с.
15. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.

REFERENCES

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka [Human language and world]. 2-e izd., ispr. Moscow: Shkola «Jazyk russoj kul'tury», 1999. 896 p.
2. Bahtin M. M. Sbranie sochinenij. V 7 t. T. 6. Problemy pojetiki Dostoyevskogo [Complete Works. In 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoyevsky's poetics]. Moscow: Russkie slovari. Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 505 p.
3. Dostoevskij F. M. Idiot: roman [The Idiot: novel]. 2-e izd., stereotip. Moscow: Drofa, 2003. 688 p.
4. Ivanchikova E. A. Sintaksis hudozhestvennoj prozy Dostoyevskogo [The syntax of Dostoyevsky's fictional prose]. Moscow: Nauka, 1979. 287 p.
5. Karaulov Ju. N. Russkaja rech', russkaja ideja i idiostil' Dostoyevskogo [Russian speech, Russian idea and idiostyle of Dostoyevsky] // Jazyk kak tvorcestvo: Sb. statej k 70-letiju V. P. Grigor'eva [Language as creativity: Collection of articles for the 70th anniversary of V. P. Grigoriev]. Moscow: IRJa RAN, 1996. Pp. 237-249.
6. Lihachev D. S. V poiskah vyrazhenija real'nogo: O F. M. Dostoyevskom [Looking for an expression of the real: About

O. A. Симончук

F. M. Dostoyevsky]. // *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature]. Moscow, 1971. №11. Pp. 177–183.

7. Lihachev D. S. *Literatura – real'nost' – literature* [Literature – reality – literature]. Leningrad: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie, 1981. 214 p.

8. L'vov M. R. *Slovar' antonimov russkogo jazyka: Bolee 2 000 antonim. par* [Dictionary of antonyms of the Russian language: More than 2 000 antonymous pairs] / Pod red. L. A. Novikova. 3-e izd., stereotip. Moscow: Rus. jaz., 1985. 384 p.

9. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National corpus of the Russian language]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (data obrashhenija: 10.02.2020).

10. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. / Pod red. chl.-korr. AN SSSR N. Ju. Shvedovoj. 19-e izd., ispr. Moscow: Rus. jaz., 1987. 750 p.

11. Ruzhickij I. V. *Jazykovaja lichnost' F. M. Dostoyevskogo: Leksikograficheskoe predstavlenie* [Linguistic personality of F. M. Dostoyevsky]: dis. doktora filol. nauk [dissertation of Doctor of Philology]: 10.02.19 – Teorija jazyka. Moscow, 2015. 647 p.

12. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij. T. 4.* [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings. Vol. 4.] / RAN. In-t rus. jaz.; pod obshhej red. N. Ju. Shvedovoj. Moscow: RAN In-t rus. jaz., 2007. 952 p.

13. *Slovar' jazyka Dostoyevskogo. Leksicheskij stroj idiolekta. Vyp. 1.* [Dostoyevsky's language dictionary. Lexical structure of idiolect. Issue 1.] / Rossijskaja akademija nauk. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova; Glavnyj redaktor chl.-korr. RAN Ju. N. Karaulov. Moscow: Azbukovnik, 2001. 442 p.

14. Solov'ev S. M. *Izobrazitel'nye sredstva v tvorchestve F. M. Dostoyevskogo* [Pictorial means in the work of F. M. Dostoyevsky]. Moscow: Sov. pisatel', 1979. 352 p.

15. *Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Idiograficheskoe opisanie. Anglijskie jekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Idiographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms] / Pod red. prof. L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS, 1999. 704 p.

**F. M. DOSTOYEVSKY'S IDEOSTYLE: FUNCTIONS
OF THE INTRODUCTORY PHRASE *BETTER (TO) SAY***

Olga A. Simonchuk

Postgraduate student of Russian, Slavic and General Linguistics chair,
Francisk Skorina Gomel State University

(Gomel, Republic of Belarus)

Abstract

This paper is a research of binary structures with the introductory phrase *better (to) say* in Dostoyevsky's literary work. The focus of analysis is on semantic relationships between the components of binary structures. The aim of analysis is to examine semantic relationships between the components of binary structures and identify the writer's purposes of speech in syntactic structures with the expression *better (to) say* on the basis of semantic relationships.

Based on the analysis, it can be concluded that the author's main purpose of speech when using binary structures with the introductory phrase *better (to) say* in sentences is the creation of duality in the depiction of characters and events, opinions, assessments and feelings as well as conversations. The paper describes the author's speech purposes and the ways of their expression such as concretisation of actions and characteristics, etc., resulting in focusing the reader's attention on the respective object, presenting actions and characteristics in a broader context or from a different perspective, including F.M. Dostoyevsky's play with contrasts.

There are various types of semantic relationships between the components of binary structures with the introductory phrase *better (to) say* – first of all the components can be synonyms or antonyms. Moreover, it can be concluded that in analysed syntactic structures with components not being synonyms, the centrifugal force of added corrections causes ambiguity of depicted actions and characteristics and may even reveal paradoxes of interpreted reality.

The results of analysis presented in this paper might be used in literature courses at schools and universities dealing with peculiarities of F. M. Dostoyevsky's language and style.

Keywords: duality, binary structures, introductory phrase, concretisation, semantic relationships, connotation, synonymy, play with contrasts

Для цитирования: Симончук О. А. Функции вводного сочетания *лучше сказать* в идиостиле Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. 2021. № 2 (16). С. 46–57.

Поступила в редакцию 11.04.2021